

СЕЗОН НАЧИНАЕТСЯ, СЕЗОН КОНЧАЕТСЯ

«ВОЗРАСТ расплаты». Так назвал свою пьесу о 30-летних писатель Леонид Жуховицкий. Смысл названия ясен: в 30 лет мы стоим на пороге зрелости, и наступает пора оправдывать надежды, расплачиваться по ранее выданным векселям... Это говорится о людях. А о театре?

Государственному русскому драматическому театру ЭССР в середине сезона исполнилось 30. Юбилею предшествовали гастроли в Москве. Творческий отчет в столице как бы подвел черту под определенный период в жизни театра — от 25 до 30 лет. Однако вправе ли мы были ожидать сразу после этих гастролей резкого обновления, мгновенной реакции на замечания, которые были высказаны в адрес театра столичной критикой?

Театр — сложный организм. Проходя свой путь в искусстве, он обладает известной инерцией, и перестройка в пути — процесс длительный, непростой, подчас болезненный.

Семь спектаклей выпустил Русский драматический в этом сезоне. Три из них поставил главный режиссер, заслуженный деятель искусств ЭССР Виталий Черменев, три — Вячеслав Петров, один — молодой режиссер Александр Цукерман.

В. Черменев и В. Петров — режиссеры с давно установившимся творческим почерком, с уже известными достоинствами и недостатками, нашедшими подтверждение и в этом сезоне. В. Черменев мыслит, несомненно, театральными категориями, постоянно имея в виду спектакль как художественное единство. Тяготеет к образному, метафорическому языку, яркой, зрелищной форме спектакля. По нынешним временам, когда нередки постановки грамотные, умные, однако скучноватые, это большой плюс. Но... наши недостатки есть продолжение наших достоинств. И очень часто в спектаклях В. Черменева режиссерское решение подавляет содержание пьесы, и тогда концы с концами не сходятся, а зрителю не позволено остановиться, задуматься — ибо тогда он заметит несоответствия, незавершенность мыслей. Нагнетается темп. Режиссер словно тащит зрителя за руку, эгоистично распоряжаясь его вниманием и лишая самостоятельности. К тому же — в последние два-три сезона настораживает тенденция к тиражированию одних и тех же приемов, выразительных средств, мизансцен.

Особенности «почерка» режиссера В. Петрова прежде всего в точном выборе материала, а еще — в той свободе, которая предоставляется актерам в его спектаклях (у В. Черменева актер часто стеснен жестким рисунком роли). В этом сезоне в постановках В. Петрова мы увидели немало актерских удач. Это Галина Потапова в роли Голубевой («Мои Надежды» М. Шатрова), Александр Рязанцев — Никита, Лилия Шинкарева — Неля, Евгений Гайчук — Миша Земцов, Николай Хрусталева — Терентий (все — в «Жестоких играх» А. Арбузова), Рейн Арен — Мел Эдисон («Заключенный 2-й авеню» Н. Саймона).

Однако свобода, как мы знаем, есть осознанная необходимость. Когда режиссер не ставит актера перед необходимостью существования в роли, не ограничивает его какими-то основополагающими линиями, актерская свобода зачастую переходит в анархию. Артисты, владеющие мастерством в достаточной степени, способны сами уберечься от нее. На помощь им приходит драматургия,

материал роли. Но если материал не богат, либо исполнительское искусство хромает, результат бывает неутешительным. Потому-то так много тусклых, неинтересных работ в «Мои Надежды», потому-то Р. Арен в «Заключенном 2-й авеню» оказывается в печальном одиночестве, ибо его партнерша (Инна Антонова) инертна, пытается внутреннюю статичность компенсировать мелодраматическим наигрышем.

В репертуаре театра современная тема, как и положено, доминировала. По крайней мере, количественно. Но так как «Мои Надежды» и (в гораздо меньшей степени) «Жестокие игры» пострадали от нечеткости, неактивности режиссерской концепции, а «Родительское собрание» вышло лишь под занавес сезона, театр вел со зрителем разговор о современности все же не так глубоко, как хотелось бы.

«Жестокие игры» пользовались несомненным успехом у зрителя. И не без оснований: тема, поднятая в последней пьесе старшего советского драматурга, волнует всех. Если прежде А. Арбузов написал несколько пьес о душевной молодости пожилых людей («Сказки Старого Арбата», «Старомодная комедия» и т. д.), то в новой своей драме он говорит о душевной дряблости 20-летних, об их ранней разочарованности, опустошенности. Руководитель студии молодых драматургов, он словно включает в тематику своих учеников, исследуя конфликт героев с жизнью.

В спектакле хорошо получился этот диалог поколений. Актеры, опираясь на благодарный, предоставляющий богатые возможности материал, в основном, интересно раскрывали психологию своих героев. Однако разные сюжетные линии не только равноправны в спектакле, но стремятся к независимости друг от друга, акценты зависят главным образом от исполнителей.

«Мои Надежды» не оправдали надежд. Театр, словно боявшийся резкости и категоричности, с которой автор пьесы ставит вопросы, имеющие большое социальное и нравственное значение, остановился у той черты, за которой частный случай перерастает в широкое обобщение. В пьесе речь идет о механизме искусственно, незаслуженно выдвинувшем на грешный успех молодую ткачиху Надю Родионову. Драматург старается раскрыть схему действия этого механизма, доказывает: такая ложь приносит вред не только производству, но только людям, окружающим Надю, но и ей самой. Спектакль сфокусирован на самой героине, режиссеру и исполнителям заранее ясен итог. В конечном счете все сводится к воспеванию самой Нади, которая находит в себе силы выйти из создавшегося ложного положения. Пьеса пробуждает у зрителя тревогу (именно поэтому я бы поставил «Мои Надежды» в один ряд с драматургией А. Гельмана). Спектакль успокаивает, создает иллюзию, будто все проблемы уже решены в нем самом.

Дважды в течение одного сезона театр обращался к драматургии США. По комедии Н. Саймона «Заключенный 2-й авеню» получился стандартный спектакль «из американской жизни». Тривиальный подход к пьесе сочетался с тривиальным же оформлением — «каменные джунгли» небоскребов, огни рекламы и т. п.

А между тем в «Заключенном» видится парафраз библейской легенды об Иове,

ОТ «НЕЛЬСКОЙ БАШНИ» ДО «РОДИТЕЛЬСКОГО СОБРАНИЯ» РУССКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР В СЕЗОНЕ 1978/79 ГОДОВ

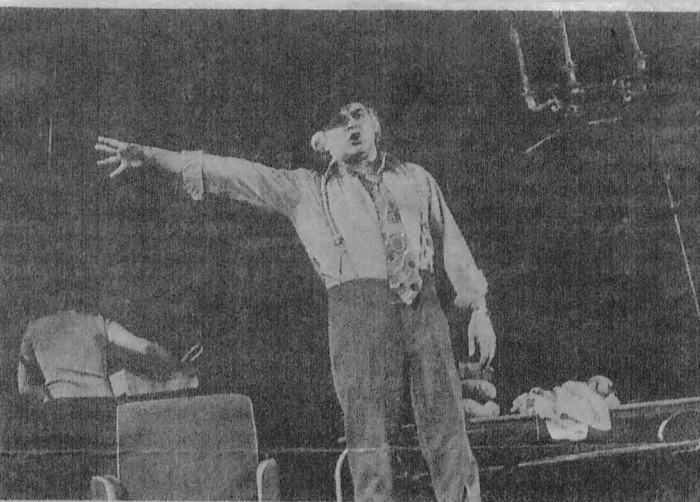
который столь долго подвергался ударам судьбы, что возроптал на господа, усомнился в его справедливости. Возроптал и Мел Эрисон, вдруг убедившись, что его безграничная, почти мистическая вера в Великую и Справедливую Америку зиждется на песке.

Вот этот мучительный процесс освобождения от иллюзий, будь он в достаточной мере отражен в спектакле, мог бы послужить на пользу убедительной политической сатире. Тем более, что Рейн Арен, исполняющий роль Мела, в отдельные моменты близок к искомому решению.

Пьесу американского автора — Тенесси Уильямса «Стеклянный зверинец» — выбрал для своего дебюта

без финала кровавой драмы. Дюма этот финал просто не нужен, как не нужен весь сюжет. Содержанием постановки оказывается сама модель определенного мироощущения — весьма противоречивого, включающего и черныш юмор, и цекотание нервов от постоянного хождения над пропастью, и уверенность наизнанку целого ряда общераспространенных понятий.

Недавно я вновь видел представление «Нельской башни». Со временем спектакль несколько выцвел. Многие выпало из него с уходом неподражаемого Готье д'Оне — Виктора Ланберга. Роль избалованного пажа, веревки выщего из влюбленной королевы, была

молодой режиссер Александр Цукерман, прежде ставивший только детские спектакли. Его первая «взрослая» постановка привлекла чистотой, настойчивым стремлением проникнуть в психологию героев. Порадовали актеры — Анастасия Бедрединова, Лилия Шинкарева, Александр Рязанцев.

И все же — насколько больше порадовал бы дебют молодого постановщика, избери он одну из пьес, написанных в самое последнее время молодыми советскими авторами. Сейчас наша драматургия на подъеме, появился ряд новых имен (А. Казанцев, О. Попова, А. Кутерницкий, Л. Петрушевская, А. Ремез, В. Малягин и т. д.). Они ставят острые морально-этические проблемы. Такой драматургии, думается, должно быть зарезервировано место в репертуаре театра.

Как и каждый сезон, в центре внимания были спектакли, поставленные главным режиссером. Спектакль по мелодраме А. Дюма «Нельская башня» можно считать этапным для В. Черменева. По крайней мере — подводящим итог продолжительному этапу его творческой эволюции. Здесь доведен до предела принцип независимости постановщика от драматургии. Независимость достигает такой степени, что режиссер прекрасно обходится даже

выстроена именно в расчете на индивидуальность этого актера.

Тут сам собой напрашивается разговор об актере, о принципе его использования в Русском театре. Актер еще порою используется как в кинематографе — режиссер берет в готовом виде свойства его творческой природы и подчиняет их замыслу спектакля. Но такой подход приводит к тому, что режиссер только берет. Со временем, когда индивидуальность актера по-прежнему исчерпывается, он уходит в «резерв», до тех пор пока не аккумулирует в себе новый заряд творческой энергии, новое качество. Оттого-то чуть ли не каждый сезон выдвигается на первый план новый актер, и мы вправе говорить о «сезоне Захарова», «сезоне Орлова», «сезоне Шевцова». В то же время при таком подходе может оставаться в тени уникальная актерская индивидуальность. Такая актриса, как Тамара Солодниковна, за шесть лет сыграла всего две роли, достойные ее таланта, — тетушку Руцу в «Птицах нашей молодости» и миссис Кэмпбелл в «Милом лжеце».

В этом сезоне очень интересно работал Александр Рязанцев, сыгравший значительные роли в четырех спектаклях и сумевший ни разу не повториться, дать

каждому герою собственную индивидуальность. Самой большой удачей представляется его работа в «Родительском собрании». В обзорной статье, поневоле беглой, я воздержусь касаться этого спектакля, оставив за собой право вернуться к нему в следующем сезоне. Пока же отмечу одно — Рязанцев в роли Классного руководителя создал характер незаурядный: учителя, ставшего «неформальным лидером» класса, глубоко заинтересованного в судьбах своих учеников и готового отстаивать их интересы даже в ущерб собственным.

Прогрессировало в завершившемся сезоне и актерское мастерство Николая Хрусталева, кстати сказать, удачно введенного в «Нельскую башню». Он стал здесь достойным партнером Натальи Рудной и Алексея Захарова. Жаль только, что в корне изменился характер отношений Маргариты и Готье...

Итак, обретая в «Нельской башне» свою «Турандот», исчерпав свои возможности (по крайней мере, на сегодняшний день) в сфере театра представления, театра чистой театральности Виталий Черменев, казалось, должен был прийти к постановке русской классики с существенно обновленным арсеналом выразительных средств. Этого не случилось. Причина скорее всего в отсутствии внутренней потребности ставить именно «Бесприданницу», в случайности выбора. Требовалась русская классика, театр наудачу обратился к прославленной пьесе — и потерпел неудачу.

Но, говоря о причине этой неудачи, критика не вправе представлять дело так, будто «Бесприданница» никак не связана с эволюцией, которую претерпевал театр в последние два-три сезона. Признаки надвигающегося творческого кризиса были заметны и в тенденции к самоповторению, и в намеренном сужении идейно-художественных задач. К сожалению, об этом было в свое время сказано слишком мало.

Хочется процитировать одно высказывание Олега Табакова: «Когда актер достигает определенной степени популярности, критики на него замахиваются уже, как правило, не репакуются. Зато потом, когда он совсем уж нехорош становится, его разве что не пинают (...). В конце концов, элементарное уважение к актеру в данном случае проявляется именно в том, чтобы вовремя сказать ему о тревожащих моментах в его творчестве, а не выкидать, когда уж ничего нельзя будет поправить, зато можно будет его пинать».

Даже полностью отвергая режиссерскую концепцию (вернее, отсутствие оной), мы не вправе пройти мимо отдельных интересных моментов спектакля, мимо попытки (пусть почти погребенной под наслоениями внешнего комикования) А. Захарова в «Бесприданнице» проникнуть в духовный мир амбициозного и озлобленного «маленького человека» Карандышева. Неудачный спектакль отомрет сам по себе, но то, чего добился исполнитель, останется при нем и, со временем, безусловно, принесет плоды.

Мы прощаемся на лето с Русским драматическим в сложное для творческого коллектива время. Назрела необходимость обратить внимание на жизнь человеческого духа, глубину поднимаемых проблем и насущную в них потребность. Ибо из уважения зрителя к театру вытекает необходимость общения, которое духовно обогащает, а не только развлекает.

Б. ТУХ.

На снимках: сцены из спектаклей «Бесприданница» А. Островского и «Заключенный 2-й авеню» Н. Саймона. Фото Д. ПРАНЦА.